

Г. Б. Гутнер

Ответ оппонентам

Я благодарен обоим оппонентам за их интерес и их труд. Конечно, у меня есть некоторые возражения к высказанным замечаниям. Но рискну сказать, что эти четыре текста (статья, два отзыва, ответ на них) представляют собой некое единство, результат совместной работы, который, надеюсь, заинтересует читателя.

Получилось так, что дискуссия по поводу моей статьи касается преимущественно онтологических вопросов. Оба оппонента, критикуя мою идею дополнительности дискурсов, высказались в пользу определенных онтологических парадигм. Интересно, что сами эти парадигмы плохо совместимы, поэтому получилось так, что оппоненты возражают не только мне, но и друг другу. Татьяна Панченко развивает мысль об универсальном единстве, базирующемся на определенных принципах, позволяющем проводить границы между добром и злом, истиной и ложью, прекрасным и безобразным. Владислав Шапошников указывает на иной тип единства, имеющего характер сети, фрактала, ризомы. Оно осуществляется благодаря не всеобщему основанию, а множеству разветвленных локальных связей. Таким образом, вместе с предложенной в моей статье онтологией дополнительности перед читателем разворачиваются три возможных представления о структуре реальности и устройении человеческой жизни. Каждое из них имеет свои привлекательные стороны, равно как и свои слабости. Не буду развивать здесь долгую дискуссию, настаивая на исключительной правильности своей позиции. Рискну привести лишь один, возможно парадоксальный, аргумент в пользу онтологии дополнительности. Уместно спросить: не являются ли три развитые концепции дополнительными друг к другу? Иными словами, не является ли каждая из них *локально или относительно истинной*, справедливой в свою меру и на своем месте? И не нужно ли каждый раз заново решать, как именно мыслить, с какой реальностью ты сейчас имеешь дело?

Несомненно, есть ситуации, когда необходимо ясное видение границ. Например, существует зло, которое следует безоговороч-

но назвать злом. По отношению к нацизму или сталинизму надо добиваться универсального, общечеловеческого согласия. Здесь должен сработать какой-то единый принцип, предполагающий безусловное отвержение названных режимов. Но подобная ясность существует не всегда. Вернемся к примеру с Флоренским и Кантом, которым Татьяна Николаевна заканчивает свой отзыв. Моя претензия к Флоренскому не в том, что он не признал философских заслуг Канта, а именно в том, что он с безоговорочной жесткостью постоянно проводит указанные границы. Но спросим честно самих себя: по какую сторону границы между истиной и ложью расположена философская концепция Канта? Она является совершенной и неоспоримой истиной? Или (как считает Флоренский) она представляет собой мерзкую, злокозненную ложь? Или — смягчим позицию — досадное заблуждение? *Ни то, ни другое и не третье*. К философским теориям вообще нужно относиться как-то иначе. Их нельзя располагать по какую-то сторону от раз и навсегда проведенной границы. Даже в случае полного несогласия с автором.

Но это же верно и по отношению к произведениям искусства, социальным явлениям, политическим режимам. Невозможно разделить все на две части, сочтя что-то одно хорошим и правильным, а другое злым и ложным. *И это вовсе не означает безразличия в стиле ложно понятой толерантности*: все сойдет, пусть растут все цветы или, как пишет Татьяна Николаевна, «все равно всему».

Замечу, кстати, что усваивая этот лозунг постмодернизму, мой оппонент, как мне кажется, несколько упрощает дело. Авторы этого направления довольно ясно проводят некоторые границы и высказывают весьма определенные суждения об истине и лжи, добре и зле. Вспомним хотя бы характеристики, которые Фуко дает дисциплинарной власти. Граница между практиками власти и практиками «заботы о себе», по-моему, весьма определена¹.

Здесь мы не можем избежать вопроса о границах, которые, судя по всему, проводит всякий, кто пытается мыслить. Я тоже их провожу. Чуть выше, например, я охарактеризовал три воз-

1. Или Фуко не постмодернист? Возможно. А кто тогда постмодернист? Лиотар? Но он тоже проводит весьма четкие границы, когда определяет «мега нарративы», к которым он, как кажется, относится весьма отрицательно.

можных суждения о философии Канта, как ложные. Я протестую лишь по поводу абсолютных границ, проведенных однажды и навсегда. Такое, как я уже говорил, возможно лишь в исключительных случаях. Но чаще нам приходится постоянно выстраивать границы заново, вырабатывать новые критерии для их проведения, раздвигать или сужать, делать их более проницаемыми или более жесткими. Не буду подробно расшифровывать все эти метафоры в надежде, что читатель сможет сам найти им нужную интерпретацию. Скажу лишь, что различая добро и зло, истину и ложь, прекрасное и безобразное, приходится всякий раз заново брать на себя труд продумывания критериев и поиска согласия с другими людьми. Если мы примем незыблемые правила, действующие во всех случаях, то попадем в мир ригидных схем и слишком простых решений.

Идея дополнительности, которую я рассматриваю как принцип постсекулярности (отнюдь, кстати, не чуждый и постмодерну), как раз и предполагает постоянный поиск согласия и проведение временных границ. Татьяна Николаевна, строя апологию тотальности, обращается к примеру живого организма. В нем существует безусловное единство, определенная субординация частей, подчиненных в конечном счете целому. Неподчинение целому означает увечье и чревато гибелью. Хорошая демонстрация этого типа онтологии! Но она же показывает и его ограниченность. Ведь это всего лишь метафора! Вправе ли мы переносить принципы организации, свойственные биологическим системам, на другие области? Например, на человеческое общество? Разве человеческое общество устроено точно так же, как живой организм? «Жизнь тоталитарна» — пишет Татьяна Николаевна. Это, безусловно, так, если понимать жизнь в строго биологическом смысле. Общество же, я полагаю, представляет собой иной тип единства. В нем происходят встречи равных и одновременно разных. Ради достижения тотальности один должен подчинить или элиминировать другого. Но их равенство и различие исключает такие варианты. В человеческой жизни мы сталкиваемся с другими, которых невозможно редуцировать к нам. Потому мы должны искать согласия, вырабатывать общие основания, искать то, что мы вместе сочтем истиной, добром, красотой. Но эти согласия временны и локальны. Для их поддержания нужно прилагать постоянные усилия. Эти усилия и означают ситуацию дополнительности: она есть жизнь рядом с *другим*, который никогда не станет таким же.

В ответ на отзыв Владислава Шапошникова могу высказать несколько соображений.

Прежде всего, я должен согласиться с замечанием, которое Владислав Алексеевич высказывает в п. IV своего отзыва. Мои характеристики действительно нельзя отнести к русской религиозной философии в целом. Пример Бахтина тут особенно выразителен, и о нем я еще скажу несколько слов. Но есть и другие авторы, не вписывающиеся в парадигму всеединства. Например, Л. Шестов или Н. Лосский. Но они, кстати, остались на обочине того «философского бума 90-х», о котором упоминает Владислав Алексеевич. Я же пишу о его основных персонажах.

Что касается Бахтина, то этот автор, пожалуй, более других русских философов важен для современной мысли. В частности, для мысли, определяемой как постсекулярная. В приведенной Владиславом Алексеевичем цитате идея дополнительности высказана, думается, более точно, чем в моей статье. Именно «столкновение голосов» и составляет суть дополнительности.

Что же касается концепции, которую Владислав Алексеевич называет «натуралистической», то я отнюдь не намерен отрицать ее продуктивность. Это действительно определенный тип единства, который, с одной стороны, не имеет репрессивного и тотального характера, а с другой, не допускает распада и фрагментарности. В самом деле, единство не обязательно предполагает подчинение единому началу, субординацию и структуру иерархического типа. Оно может быть основано на множестве локальных связей, не предполагающих ни единого центра, ни общего стержня. Это солидная концепция, разные стороны которой развивались на протяжении нескольких десятилетий, начиная, по-видимому, с поздних работ Витгенштейна. Я согласен с Владиславом Алексеевичем, что предложенная мной идея дополнительности представляет собой весьма слабую альтернативу. Впрочем, она не опирается на столь солидную традицию. Замечу лишь, что в этой онтологии, по-видимому, игнорируется один важный момент — тот самый, который я только что пытался обозначить, вспоминая про Бахтина. Натуралистический подход, как кажется, не позволяет рассмотреть тему столкновения. Он, скорее всего, игнорирует вопрос о поиске согласия при встрече с иным, акцентируя более связи, чем разрывы. Идею дополнительности я бы охарактеризовал посредством парадокса, даже оксюморона: это единство при сохранении разрыва. Ситуация выглядит почти безвыходной, но пример Бахтина и Левинаса, о

которых Владислав Алексеевич напоминает нам в своем тексте, как-то обнаддеживает.

Добавлю несколько слов о III («метафизическом») разделе статьи В. Шапошникова. Мне кажется, что совместить онтологию тотальности с сетевой все же невозможно. Здесь есть два возражения. Примем, для начала, аргументы Владислава Алексеевича и согласимся, что в системе Лейбница каждая монада обладает свободой. Тем не менее сообщество монад невозможно признать сетью. Прежде всего потому, что в этом сообществе целое полностью доминирует над частями, все свободные действия монады идеально вписаны во всеобъемлющую тотальность. Кроме того, сеть вообще не состоит из монад, поскольку предполагает связи между акторами. В сообществе монад существуют лишь вертикальные связи — каждой монады с Богом и больше ни с кем.

Второе возражение касается именно аргументов, демонстрирующих возможность свободы для отдельной монады. Само рассуждение вполне логично. Однако можно рассудить и по-другому. Монада свободна постольку, поскольку Божественное всеведение современно ее действию. Это всеведение, как пишет Владислав Алексеевич, можно соотнести с тем самым моментом, когда монада совершает свой выбор. Но исходя из той же посылки (вечности Бога) можно утверждать и прямо противоположное. Коль скоро для Бога вообще нет различий между прошлым и настоящим, то его знание о выборе можно приписать и любому предшествующему моменту, и тогда Божественное восприятие превратится в предопределение. Похоже, что рассуждения о таких предметах чреваты антиномиями.

Также можно рассудить и о вечном возвращении. Конечно, мы можем считать нашу ситуацию исходной и полагать, что совершаем творческий акт впервые. Иными словами, мы можем считать, что ему ничего не предшествует. Но зачем тогда вообще вечное возвращение? Его тогда просто нет.

Я склонен думать, что метафизика — довольно рискованное предприятие. Похоже, что, как объяснил нам Кант, здесь мы попадаем в область, в которой невозможно теоретическое употребление разума.